

Труба — 1996 —
Виктор РОЗОВ 13 сент. — с. 8

«СТИХИ, ПРИНЕСЕННЫЕ С ВОЙНЫ»

— Виктор Сергеевич, какую роль в вашей жизни сыграли книги?

— Я не могу сказать, как Горький, что «всему лучшему в себе я обязан книгам». Нет, я обязан матери и отцу. Мать была неграмотная, а отец кончил только четыре класса, потом воевал на первой мировой войне, был тяжело ранен. Отношение к книгам в нашей семье всегда было исключительно бережное, и хотя в нашем доме не было ни одной книги, мы были бедные, я доставал книги у знакомых моих родителей. Помню, иду за обещанной книгой, страшно, ведь там собака злая, а я через двор иду, думаю, только бы она на меня не бросилась, ведь я же — за книжкой иду! Я хорошо помню это чувство — чувство радости, ведь я же буду ее читать!

А если же говорить конкретно, какой книге я обязан особенно, то это, безусловно, «Братья Карамазовы» Достоевского, эта книга меня, уж простите за высокопарность, подняла на какую-то новую высоту.

— В вашей жизни, наверное, случались необычные, быть может, курьезные эпизоды, которые позже входили в сюжеты ваших произведений. Я вот давно хочу спросить вас: в пьесе «Вечно живые» есть такие стихотворные строчки: «Журавлики-кораблики летят под небесами. И белые, и серые, и с длинными носами», как появились они в пьесе?

— Знаете, это удивительная история. Как-то во время войны, лежа в палате тяжелораненых, а палата была большая, человек на 30—40, затеял я опрос среди солдат, каких писателей они знают. Кто знает, кто такой Пушкин? — большинство подняло руки. Кто знает, кто такой Лермонтов? — чуть меньше. Дошел я до Тургенева — совсем

мало. А когда я назвал Байрона, никто не поднял. И вот молодой парнишка, весь загипсованный, вдруг говорит: а я знаю одно стихотворение. И прочитал его: «Журавлики-кораблики...» Скажу вам честно, хотя учился я плохо, но стихи всегда любил и многие знал наизусть. Это стихотворение я запомнил и включил в пьесу, потому что оно мне просто понравилось.

— А что вы сейчас читаете?

— Замечательную книгу, называется она «Со шпагой и факелом», выпущенную издательством «Современник» в 1991 году. Это история дворцовых переворотов, борьбы за власть в Государстве Российском за целый век, с 1725 по 1825 год — история, не сочиненная кем-то, а составленная из документов того времени. Книга трагическая,

удивительно яркая в своих исторических аналогиях, поясняющая многое из того, что происходит у нас сейчас. Читаю с глубокой болью.

— А какая литературная героиня ближе всего к вашему идеалу женщины?

— В разном возрасте, как вы понимаете, и оценки разные... А мне уже 83. Замечательны женские образы Достоевского, а Федор Михайлович, как я уже говорил, мой любимый писатель. Но его женщины мне не близки, хотя Настасья Филипповна — блеск, Катерина Ивановна нравится меньше, Грушенька — малопонятна... И все же, не считите это за предательство по отношению к Федору Михайловичу, ближе всего к моему идеалу

женщины, пожалуй, тургеневская Лиза Калитина из «Дворянского гнезда».

— Что вы хотели бы пожелать читателям нашего «Книжного клуба»?

— Меньше смотреть телевизор. Как можно больше читать книг из отечественной и мировой классики, книг, сохранивших, вобравших духовный опыт человечества, все богатство языка... А наше телевидение, особенно латиноамериканские сериалы, — это как легкий наркотик для тяжелобольного.

Беседу вел
Александр ДОРИН.

Фото Владимира БОРИСОВА.